

Русско-венгерские паремиологические параллели (в поисках национальной специфики)*

В. М. МОКИЕНКО

Кафедра славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., д. 11, RU-199034 Санкт-Петербург
E-mail: mokienko40@mail.ru

Т. Г. НИКИТИНА

Кафедра теории и методики гуманитарного образования, Псковский государственный
университет, ул. Красноармейская, д. 1, RU-180007 Псков
E-mail: cambala2007@yandex.ru

(Received: 30 January 2019; accepted: 9 June 2019)

Пословицы и поговорки, которые всегда считались излюбленным жанром фольклора и репрезентантами собственно национального менталитета, в последнее время привлекли особо пристальное внимание лингвистов. Это и попытки объективно установить так называемый «паремиологический минимум» разных языков, и стремление измерить когнитивный потенциал паремий, и широкое сопоставительное исследование пословиц и поговорок родственных и неродственных языков, и характеристика прагматических возможностей последних – т. е. их функциональный анализ в художественных и публицистических текстах, в СМИ и интернет-ресурсах, рекламе и под. Достаточно назвать несколько новейших монографий на данные темы, где отражены многие из названных аспектов изучения паремиологии, чтобы обозреть многообразие современной изученности проблем, привлечших исследователей (Савенкова 2002, Котова 2003, Ничипорчик 2016, Селиверстова 2017, МIEDER 2018). Библиография же работ на эту тему, регулярно публикуемая в ежегоднике «Proverbium» под ред. В. Мидера, поистине неисчерпаема.

На фоне этого интенсивного интереса бросается в глаза преимущественно синхронный подход к исследованию европейской паремиологии. Традиционное внимание к ее диахронической интерпретации угасает, несмотря на расширяющийся масштаб конкретного паремиологического материала разных языков и диалектов, дающий возможность глубже проникнуть в историко-этимологическую и сопоставительно-культурологическую динамику паремий. Не случайно поэтому исследователи-синхронисты часто привлекают

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01062 – «Русская народная фразеология в лексикографическом освещении [принципы и разработка „Полного фразеологического словаря русских народных говоров“]», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

паремиологический материал *en gros*, трактуя любую пословицу и поговорку как явление уникальное – фрагмент собственно национальной культуры, зеркальное отражение «русской», «украинской», «польской» и т. п. «души». Необходимо скрупулезный детализированный анализ широкого сопоставительного профиля, чтобы дихотомия «Национальное» ↔ «Интернациональное» выявлялась объективно, с опорой на конкретные языковые факты (КОКАРЕ 1978, МОКИЕНКО–НИКОЛАЕВА 2002). Особое значение здесь имеет диалектный материал, который позволяет отделить исконно языковых «овнов» от иноязычных и инокультурных «козлиц». Образцом такого анализа является реконструкция праславянской фразеологии, методику которой предложил Н. И. Толстой (см. Толстой 1973). Следуя такой методике, мы, слависты, все более и более убеждаемся, что уже в праславянскую эпоху «исконно славянские» паремии находят переключку с другими индоевропейскими и неиндоевропейскими прапаремиями (МОКИЕНКО–WALTER 2018). Столь же масштабные древние сходения наблюдаются и при реконструкции пословиц и поговорок других языковых групп – например, германских (JANDA 1997).

Для подобных реконструкций и паремиологических штудий особое значение имеет сопоставительный анализ славянского материала с материалом неродственных языков. Последний, в силу своей типологической «независимости» от языкового родства, может стать надежным критерием разграничения исконного и неисконного, «Своего» и «Чужого». В принципе такой подход верен. Но исследователь и здесь не должен подвергаться искушению отождествлять «родственность» и «неродственность» соответствующих языков с их генетикой и типологией (Мокиенко 1983). Ведь как показывает опыт классических собраний европейских пословиц и поговорок, конвергентные межъязыковые процессы с древности стали мощным объединяющим фактором паремиологического взаимодействия.

Венгерская паремиология и паремиография в этом аспекте имеют особое значение для сопоставительных штудий. И не только потому, что венгерский язык исторически вбирал в себя общеевропейское (в том числе и славянское) паремиологическое наследие. Но и потому, что венгерская паремиография давно уже стала одной из богатейших сокровищниц венгерского и общеевропейского малого фольклора. Эти собрания венгерских пословиц и поговорок на широком межъязыковом фоне – одна из значимых паремиологических традиций. Достаточно назвать такие лексикографические труды, как венгерско-немецкий словарь пословиц Х. Шландта (см. SCHLANDT 1913), двухтомное собрание венгерских и английских пословиц с привлечением материала других языков Л. Вашвари (см. VASVÁRI 1993), сопоставительное описание венгерских и английских паремий в словарях Д. Надя (см. NAGY 2010, NAGY 2017), итальянско-венгерские паремиологические параллели в словарной репрезентации А. Банхиди Агнесони (см. BÁNHIDI AGNESONI 2017).

Не случайно, что именно в Венгрии сделана уникальная попытка представить общее паремиологическое «ядро» Европы на фоне индоевропейских и неиндоевропейских языков самого широкого ареала от иберийских до

санскрита, японского и китайского (PACZOLAY 1985, PACZOLAY 1994, PACZOLAY 1997a, PACZOLAY 1997b, PACZOLAY 2000). Не случайны и попытки реконструкции финно-угорского влияния на русский язык в русле «евроазиатской теории» Н. С. Трубецкого (ТКАЧЕНКО 1979, ПАЧАИ 1995, ПАЧАИ 2002).

Богатые паремиологические собрания, накопленные венгерскими исследователями, обеспечивают возможность детализированного сопоставления славянских и венгерских пословиц и поговорок на общеевропейском фоне и в то же время наблюдать следы прямых славяно-венгерских контактов (ср. МОКИЕНКО 1979, МОКИЕНКО–НИКИТИНА 2017). При таком сопоставлении особенно значимы языковые детали, ибо именно они позволяют продемонстрировать адаптацию общеевропейского наследия в славянских и финно-угорских языках и определить квоту сходств и различий соответствующих паремий. Собственно, не только генетическая инерция, но и поле вариантности заимствованных пословиц и поговорок и образует национальную специфику конкретных паремий в сопоставляемых языках.

Продемонстрируем это на сопоставительном анализе некоторых русских и венгерских пословиц и поговорок. Основной «материальной базой» такого сопоставления при этом станет упомянутое выше собрание европейских пословиц на 55 языках Д. Пацолаи (см. PACZOLAY 1997a) и наш трехтомный сводный словарь русских паремий (МОКИЕНКО–НИКИТИНА 2008a, МОКИЕНКО–НИКИТИНА 2008b, МОКИЕНКО и др. 2010) с актуальными дополнениями из разных источников.

К универсально-типологическим параллелям относятся такие паремии, генетический источник (т. е. направление заимствования) которых невозможно определить, ибо их структура и семантика уходят в глубокую древность. Такого рода паремии представлены, например, при реконструкции поговорок «птичье молоко» (GERHARDT 1975) и «камень и дерево» (JANDA 1997).

К пословицам такого рода можно, как кажется, отнести паремию *Fields have eyes (or see) and wood / bush has ears (or listens)*, обильные параллели с вариантами к которым приводит Д. Пацолаи (см. PACZOLAY 1997a: 120–124). Она известна в разных вариантах многим индоевропейским и неиндоевропейским языкам, например: бел. *Лес чуе, а поле бачыць*; пол. *Pole ma oczy, a las uszy*; нем. (диал.) *Das Feld hat Augen, die Winckel ynd Wäld ohrn*; лит. *Laukas akylas, miškas ausylas; Laukas mato, miškas girdi*; латыш. *Mežs ar ausīm, lauksar acīm*; фр. *Le bois a oreilles et le champ des yeux; Les haies louket, les bouhons houtet*; исп. *Montes ven, paredes oyen*; лат. *Campus videt et nemus audit; Campus oculos habet et nemus aures* и др. Зафиксирована она и в чешском, португальском, эстонском, карельском, финском, водском, исландском, шведском, турецком, грузинском и других языках.

Ее универсальность подтверждается не только представленностью в индоевропейских, финно-угорских, семитских и других языках, регистрацией как в сакральных текстах (например, в Талмуде и санскрите), записями в диалектной речи, но и эквивалентами в восточных языках – например, арабском, японском, масаи и др. Можно выделить несколько ее доминантных синтак-

сических моделей-«версий»: 1. Поле глазастое, лес ушастый; 2. Поле видит, лес слышит; 3. Поле имеет глаза, лес уши; 4. Поле с глазами, лес с ушами; 5. Глаз поля, ухо леса; 6. В поле глаза, в лесу уши; 7. В поле далеко видно, в лесу далеко слышно (GRIGAS 1987: 321). При всей универсально-типологической заданности и моделированности, эта пословица в разных языках и диалектах развивает обильную вариантность, позволяющую говорить о ее некоторой структурно-семантической специфике для каждого из них.

Таков и набор вариантов венгерской пословицы, представленной в сборнике Д. Пацолаи: *Az erdőnek (nagy) füle (van), a mezőnek (nagy) szeme van; A nappalnak szeme, az éjszakának (meg) füle van* (PACZOLAY 1997a: 121), ср. в сборнике Э. Маргалича: *Az erdőnek füle van, a mezőnek szeme; Nappalnak szeme, éjjelnek füle* (MARGALITS 1897: 178, 195). Важно при этом, что венгерская паремиология сохраняет две основные структурно-семантические доминанты этой древней пословицы: «У леса (большие) уши, у поля (большие) глаза» и «У дня глаза, а у ночи уши». Но при этом, как видим, некоторые варианты можно уже квалифицировать как национально маркированные.

Славянские параллели этой пословицы убедительно свидетельствуют о ее типологической древности, ибо они обильно фиксируются как в микрославянских языках, так и на широком диалектном пространстве. Так, она сохранилась в русинском языке в варианте *Хаща – вухо, поле – воко – ліс – вухо* (ЛОМАКИНА–МОКИЕНКО 2018: 121), которая, как и русская *Лес слышит, а поле видит*, предупреждает об опасностях, подстерегающих человека в лесу и безлесном пространстве. Понятно, что она продолжает ряд украинских паремий, ядром которых является пословица *Поле має вуха, а ліс очі*. Варианты этой пословицы здесь достаточно широки и поддаются 6-членной классификации, все более удаляющей их от «ядерной» паремии:

1. а) *Поле бачить, а ліс чує*; б) *Ліс бачить, поле чує*;
в) *Поле має очі, а ліс вуха*; г) *Ліс має вуха, а поле очі*;
2. *Поле видне та глухе, а ліс темний та чуйний*;
3. а) *Поле краде, а ліс бачить*; б) *Ліс краде, а поле бачить*;
4. *Не май поля за бовдура, а ліса за дурня*;
5. *Поле плаче, а ліс скаче*;
6. а) *Як листя жовтіє, ліс і поле смутніє*;
б) *Як поля жовтіють, то дожджови сіють* (ПП 1: 48).

Хотя универсальная семантическая переключка «Поле» – «Лес» во всех этих вариантах несомненна, варианты 3–6 можно достаточно определенно назвать специфично украинскими как по детализации образа, так и по структуре (например, рифмованной паре *плаче – скаче*).

Как же выглядит вариантный ряд этой пословицы в русской паремиологической зоне?

Он также поддается распределению по оси «Центр» – «Периферия»:

1. Наиболее представлен в паремиологических сборниках, естественно, основной вариант пословицы: *Лес видит, а (да) поле слышит* (ДАЛЬ 1984/2:

142, Даль 2: 279, РАЗУМОВ 1957: 37, ТАНЧУК 1986: 79, АНИКИН 1988: 162, ППЗК 2000: 73, СОКОЛОВА 2009: 380). В некоторых из них дается и ее семантизация: «Не разглашай тайну» (РАЗУМОВ 1957: 37), ср. интерпретацию смысла пословицы в венгерском источнике: *Erdőben ha szólsz: meghallik, mezőn amit csinálsz: meglátszik* [Что скажешь в лесу – слышно, что сделаешь в поле – видно] (SIRISAKA 1891: 43).

2. Вариант, эксплицирующий соматическую ипостась способности видеть, также зафиксирован достаточно широко: *Лес с ушами, а поле с глазами* (СОКОЛОВА 2009: 9); пск. *Лес-то ушастый, а поле глазастое, лес-то всё укрывает, а в поле-то всё видно* (СПП 2001: 133); волог. *В лесе ушисто, а в поле глазисто* (СРНГ 49: 10).

3. Наконец, узко регионален и тем самым национально маркирован вариант, записанный в 1896 г. в Олонецкой губернии, недалеко от Петрозаводска: *В лесах слышат лесики, в дому уголки* (СРНГ 16: 370).

Как видим, для 2-й группы вариантов специфика обнаруживается в собственно диалектном оформлении образа этой универсальной пословицы. Так, прил. *ушисто* составителями СРНГ определяется в некотором отвлечении от соматизма *ухо*: «нужно вслушиваться: о хорошей слышимости где-л.» (СРНГ 49: 10). 3-й же вариант пословицы можно с уверенностью назвать регионально (т. е. национально) специфическим, ибо здесь дихотомия «Лес» ↔ «Поле» замещена не менее древней оппозицией «Лес» ↔ «Дом», конкретизируемая при этом указанием на обитателя леса – лешего (*лесик*) и уютными частями крестьянского жилища (*уголки*).

Подобные примеры вариантного «отрыва» от исходной структурно-семантической модели в конкретной языковой среде весьма многочисленны и широко представлены в собрании Д. Пацолаи. Такова, в частности, универсальная пословица *Better one bird / pigeon / sparrow in the hand / plate than two / ten (hundred) in the air (or on the branch / fence / roof, etc.)*, скрупулезно описанная им (PACZOLAY 1997a: 194–202) и также простирающаяся далеко за пределы индоевропейского и финно-угорского ареала. И здесь – хотя «ядерная» модель в венгерском языке, конечно же, активно воспроизводится, обнаруживая сходство с широкой палитрой паремнологических европеизмов, ее вариантный ряд обнаруживает и некоторое национально специфическое развитие орнитологического образа и его локуса: *Jobb egy veréb a kézben, mint egy galamb a háztetőn* [Лучше воробей в руках, чем голубь на крыше дома]; *Jobb ma egy veréb (a mai veréb), mint holnap egy tüzok (a holnap tüzok)* [Лучше сегодня (сегодняшний) воробей, чем завтра (завтрашняя) дрофа]; *Jobb ma egy tüzok, mint holnap egy ökör* [Лучше сегодня дрофа, чем завтра вол]; *Jobb egy kis hal a kézben, mint holnap egy harcsa a vízben* [Лучше сегодня маленькая рыбка в руках, чем завтра сом в воде] (PACZOLAY 1997a: 197). «Голубь», «Воробей», «Журавль» и другие птицы – достаточно типичные персонажи данной популярной пословицы в славянских языках, хотя при этом их варьирование может быть достаточно четко ареально дифференцироваться (об этом см. МОКИЕНКО 2007).

«В сопоставительной паремиологии эксплицитные отношения между содержанием и средствами его выражения являются более сложными, чем в лексических метафорах или в метафорических фразеологизмах, – справедливо подчеркивает П. Дюрчо. – Не только темы, но и субъекты паремий обладают широким и взаимопересекающимся потенциалом варьирования и поэтому имеют не всегда ясные и четкие границы. Одной пословице могут часто соответствовать многие пословицы и варианты и наоборот» (DURČO 2005: 140–141). П. Дюрчо при этом относит к типу «Тур + 2» немецкую пословицу *Besser einen Spatz in der Hand als die Taube auf dem Dach* и словацкие варианты *Lepší vrabec v hrsti, ako holub na streche; Lepší vrabec v hube, ako holub na dube; Lepší vrabec v hrsti, než zajac v chrasti*.

Характерно, что при сохранении общей доминантной оппозиции «Маленькая, незначительная птица» ↔ «Большая, весомая птица» в паремиологии разных европейских языков орнитологический «ассортимент» и его комбинации чрезвычайно мобильны и даже диффузны.

Русская пословица в основном строится на оппозиции «синица» ↔ «журавль» и известна в различных вариантах: *Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки; Синица в руках лучше журавля в небе; Не сули журавля в небе, [а] дай синицу в руки* (ППЗ 1961: 31, 59, 81, СИМОНИ 1899: 124, 205, СНЕГИРЕВ 1848: 290, ДАЛЬ 1: 547, ДАЛЬ 1984/2: 130, РАЗУМОВ 1957, СОБОЛЕВ 1961: 110, ЖУКОВ 1966: 301–303, ПОДОБИН–ЗИМИНА 1956: 72); *Синица в руках лучше соловья в лесу; Не сули журавля в год, а хоть синичку до ворот; Не суди журавля в год, а хоть синичку, да в рот; Журавль в небе не добыча* (ДАЛЬ 1: 547) и др.; ср. славянские параллели (ŠELAKOVSKÝ 1949: 309–310) и латыш. *Labāk zīle rokā, nekā mednis kokā* (GRIGAS 1987, № 610).

Противопоставление именно журавля синице характерно лишь для русского, украинского, белорусского и латышского фольклора: ср. бел. *Лепш сініца ў руках (ў шапцы), чым журавель ў небе; Лепшая сініца у руках, як журавель пад небясамі* (ГРЫНЬЛАТ 2: 452); укр. *Ліпша синиці в жмені, як журавель під небесами* (ФРАНКО 1909: 94); *Лучше синиця в жмені, як журавль в небі* (ŠELAKOVSKÝ 1949: 309–310); *Краще синиця в жмені, ніж журавель у небі; Краще синиця в руці, ніж журавель у небі; Краще синиця в руках, ніж журавель у небі; Лучче синиця в жмені, ніж журавель у небі* (ГРЫНЬЛАТ 2: 452); *Ліпша синиця в жмені, ніж журавель під небесами* (ПП 2: 78); *Краще синиця в жмені, ніж журавель на вербі* (ПЛАВ'ЮК 1996: 245); латыш. *Labāk zīle rokā, nekā mednis kokā; Lobok zvierbuļs kuļī nakai mednis mežā* (КОКАРЕ 1980: 165).

В восточнославянских пословицах при этом, как видим, «синица» может коррелировать не только с «журавлем», но и другими орнитологическими образами. При этом коррелят обязательно превосходит синицу либо (прежде всего) по размерам (*орел, голубь*), либо – по мелодичности пения: укр. *Ліпша синиця в жмені, як орел у небі* (ПП 2: 78); *Ліпша синиця в руках, ніж голуб на стрісі* (также о браке – ПП 2: 78); рус. *Синица в руках лучше соловья в лесу (в лесу)* (ДАЛЬ 1984/2: 651, ŠELAKOVSKÝ 1949: 309–310). Любопытно в этой

структурно-образной модели соотнесение синицы с тетеревом в балтийских пословицах: лит. *Vely šiandien zylė negu rytoj tetervinas* [Лучше сегодня синица, чем завтра тетерев] (GRIGAS 1987, № 610); латыш. *Labbak fihle rohkā, ne kā meddenis kohkā* [Лучше синица в руке, чем тетерев на крыше] (ČELAKOVSKÝ 1949: 310).

Чрезвычайно широк «ассортимент» орнитологических «контрагентов» синицы и воробья: журавль или аист в чешском (*čáp*) и польском (*bocian*); заяц в словацком (*zajac*) и чешском (*zajíc*); голубь в украинском (*голубець*), чешском (*holub*), верхнелужицком (*holb*) и немецком (*Taube*); тетерев в словацком (*tetrov*) и польском (*cietrzew*); индюк в словацком (*pul'ak*) и польском (*indyk*); орел в чешском (*orel*) и польском (*orzel*); ястреб в чешском (*jeřábek*) и сокол в польском (*sokól*); куропатка в польском (*kurwota*) и верхнелужицком (*kuropatwa*); канарейка в польском (*kanarek*); гусь в польском (*gęś*). Однако ни в одном славянском языке «Воробей» не становится контрагентом «Дрофы», как в венгерском языке.

Многочисленные параллели пословицы показывают, что метафорическое противопоставление птицы, пойманной человеком, и находящейся на воле, уходит корнями в глубокую древность. Конкретизация же орнитологического образа в разных языках может быть особой. Национальной спецификой русского варианта пословицы является противопоставление журавлю синицы. Причем, если журавль входит в аналогичные пословицы других народов, то синица характерна лишь для восточнославянского и балтийского фольклора. Это не случайно: выбор именно синицы оправдан фольклорной символикой этой птицы. В шуточных русских сказках и быличках синица хвастливо грозитя поджечь море, из-за чего, естественно, над ней все смеются. Многие русские пословицы и поговорки подчеркивают малые размеры, незаметность и будничность этой птички: *Не велика птичка синичка; Синица не птица, а прапорщик не офицер; Синица не птица, зять не родня* (Спирин 1985: 129); *Синица хоть тресни – журавлем не будет* (ППЗ 1961: 110); *Синица хоть тресни, не быть журавлем* (ППЗ 1961: 62); *Посади эту синицу хоть в масляну криницу, всё буде синица* (СРНГ 15: 257); *Синицу хоть в пшееницу – ничего не сделаешь* (Рыбникова 1961: 57); *Синичку хоть в пшееничку, а толще не будет; Синичка – воробью сестричка* (Рыбникова 1961: 146) и др.

При этом – в соответствии с диалектикой народного мышления – в некоторых пословицах отмечается, что в случае необходимости и такая невзрачная птичка может пригодиться: *Мала птичка, да ноготок остёр; За морем и синица птица (там всё едят); Невеличка синичка, да та же птичка* (Даль 1984/2: 46). Из таких фольклорных ассоциаций и складывалась первая, исконно русская (т. е. восточнославянская) часть интернационального пословичного противопоставления. При всей оригинальности конкретного образа она понятна большинству народов Европы, у которых есть и свои вариации данной древней «птичьей» пословицы. Однако при этом венгерская «Дрофа» остается столь же национально маркированной в этой паремиологической

модели, как и восточнославянская «Синица». И именно этот вариант можно квалифицировать как национально специфичный.

Так конкретная языковая система постепенно преобразует универсальное в национальное. И такое преобразование осуществляется путем паремиологического варьирования.

Интенсивность и диапазон паремиологического варьирования, приводящего к созданию национально специфических паремий, характерны не только для универсальных пословиц и поговорок, но и столь же типичны для малых форм фольклора, имеющих конкретно европейское происхождение. Типична в этом отношении судьба пословицы о ласточке и весне. Сюжет ее хорошо известен, как и возведение сюжета к басне Эзопа – ср. лат. *Una hirundo non facit ver* [Одна ласточка весны не делает]. В русском языке пословица стала популярной благодаря басне И. А. Крылова «Мот и Ласточка» (1818) о легкомысленном юноше, который продал все, кроме плаща, а потом, увидев ласточку, продал и плащ, понадеявшись на приход весны. Грянул, однако, мороз, и легкомыслие было наказано, а беспечный юноша винил в своих несчастьях замерзшую ласточку.

Пословица получила широкое распространение как во всех славянских языках (Котова 2000: 80), например, укр. *Одна ластівка не робить весни* (*весни не робить*); польск. *Jedna jaskółka nie czyni wiosny (lata)*; болг. *Една лятковица пролет не правя*; так и в других европейских: англ. *One swallow makes no (does not make) a summer*; нем. *Eine Schwalbe macht noch keinen Sommer*; франц. *Une hirondelle ne fait pas le printemps*; ит. *Una rondine non fa primavera* и др. Известность этой пословицы далеко за пределами индоевропейского языкового ареала – например, в турецком, вепсском, лапландском и японском делает ее универсальной. Показательно и межъязыковое пересечение таких ее синонимов, как «Один цветок не делает весны (лета)» (албанск., армянск., бельгийск., венг., ит., португальск., рето-романск., румын., турецк., перс.) или «Один цветок не делает гирлянды» (датск., англ., фр., нем., ит., норв., пол.) (PACZOLAY 1997a: 49–53). Любопытно, что она вошла и в набор так называемых «антипословиц» – например, в английском языке, где древняя, известная многим европейским языкам пословица *One swallow does not make a summer* активно трансформируется (LITOVKINA–MIEDER 2005: 252).

Нужно сказать, что для венгерского языка эта пословица не развила особых вариантов, хотя представлена в двух образных ипостасях – орнитологической (*Egy fecske nem csinál / hoz nyarat / tavaszt* [Одна ласточка лето/весну не делает / не приносит]) и флористической (*Egy virág nem hozza meg a tavaszt* [Один цветок не приносит весны]; *Egy virág még nem tavasz* [Один цветок еще не весна]) (PACZOLAY 1997a: 50–51). Русский же язык, адаптируя эту европейскую паремию, уже давно варьирует довольно широко. Конечно, «классический» вариант – *Одна ласточка весны не делает* уже с XVIII века постоянно фиксируется паремиологическими собраниями (Курганов 1793: 134, Курганов 1777: 117, СРЯ XVIII 11: 125, Снегирев 1848: 308, Рыбникова 1961: 122, Жуков 1966: 320–321, Спирин 1985: 29, Соколова 2009: 131, 447). Но

уже с этого времени фиксируются и ее варианты – например, эксплицированное пояснение: *Едина ласточка весна не сотворит, едина часточка за все (за всё) не говорит* (Богданович 1785: 27).

Большинство ее вариантов имеет характер структурных преобразований: *Ласточка одна не делает весну* (РАЗУМОВ 1957: 194); *Одна (первая) ласточка еще не весна* (СПИРИН 1985: 29); *Первая ласточка [еще] не делает весны* (РАЗУМОВ 1957: 60, СОБОЛЕВ 1961: 296). В диалектной же речи уже возможны компонентные замены, не нарушающие ее тождества: твер. *Первая ласточка погоды не делает* (ТПП 1993: 57). Некоторые варианты делают акцент на идее «недоверия» прилету ласточки как знаку весеннего тепла: *Первой ласточке не верь* (СПИРИН 1985: 29); *Одной ласточке не верь (не радуйся)* (ДАЛЬ 1984/2: 142, ДАЛЬ 2: 95, АНИКИН 1988: 242, СОКОЛОВА 2009: 343). Их, пожалуй, уже можно считать национально маркированными. Наконец, поговорка *Ласточка прилетела – скоро гром загремит*, зафиксированная в тверских говорах (ТПП 1993: 16) настолько по смыслу противопоставлена сюжету и морали басни Эзопа, что может быть признана оригинальной.

Иногда какой-либо лексический вариант универсальной поговорки может показаться столь незначительным, что приписывать ему национальную специфичность кажется неоправданным. Такова, например, вариантная замена компонента «Конь» на «Жеребенок» в венгерской поговорке «Дареному коню в зубы не смотрят»: *Ajándék lónak /csikónak ne nézd a fogát* [У подаренного коня /жеребенка не смотри зубы] (PACZOLAY 1997a: 55). Такая замена кажется и биологически, и лингвистически (синекдоха) логичным продолжением древней паремиологической модели. Тем не менее, обращение к материалу русского и других славянских языков показывает, что для них она не функциональна.

В русском языке слово *Жеребенок*, например, входит в паремии иной семантики и структуры: *Резвого жеребенка и волк не берет* (СПИРИН 1985: 81, АНИКИН 1988: 272); *Лысым жеребенок уродился, лысым и в могилку ляжет* (АНИКИН 1988: 169); кубан. *Нэ сидай на жэребчика, бо спину поломаеш* (ППЗК 2000: 47); *Лысым жеребя уродилось, лысым и помрет* (ДАЛЬ 2: 276).

Столь же логичной кажется и вариантная замена слова *Конь* на «Скотина» в старой венгерской поговорке о дареном коне: *Ajándék marhának nem kell a fogát nézni* [У подаренной скотины не надо смотреть зубы] (PACZOLAY 1997a: 55–56). Однако и здесь мы не находим аналога этому варианту в русских паремиях. При этом тематическая и структурно-семантическая палитра поговорок с компонентом *Скотина* здесь чрезвычайно разнообразна:

1. *Корми сладко – будет скотина гладка* (ЖИГУЛЕВ 1969: 56); *Скотина без корма, человек без цели – погибают* (СОКОЛОВА 2009: 603); *Скотина знает, кто ее питает* (ЖИГУЛЕВ 1969: 67); *Скотина не помнит, где били, а помнит, где ела* (ЖИГУЛЕВ 1969: 67); *Скотина не помнит, где били, а помнит, где ели* (АНИКИН 1988: 286); *Скотину гладь не рукой, а мукой* (ДАЛЬ 1957: 941, ЖУКОВ 1966: 421, АНИКИН 1988: 286);

2. *Веди за скотиной хороший уход – будешь иметь доход* (РАЗУМОВ 1957: 56, 167, ЖИГУЛЕВ 1969: 67); *За скотиной нужен глаз да глаз* (СПИРИН 1985: 31); *За скотиною не ходить, так и платья не носить* (ЖИГУЛЕВ 1969: 67);
3. *Скотина ласку любит* (СОКОЛОВА 2009: 283); *Беспастушная скотина самая озорная* (ЖИГУЛЕВ 1969: 67, АНИКИН 1988: 21); *Вольная (чужая) скотина не животиная* (ДАЛЬ 1984/2: 101, ДАЛЬ 1: 540, ТАНЧУК 1986: 30); *Скотину водить – не разиня рот ходить* (ДАЛЬ 4: 207, ИЛЛЮСТРОВ 1915: 339, РЫБНИКОВА 1961: 43, ЖУКОВ 1966: 420–421, АНИКИН 1988: 286); *Скотину гладь не рукой, а кормом* (СОКОЛОВА 2009: 587);
4. *Скотина не узнала своего господина* (МИХЕЛЬСОН 2: 264);
5. *Скотина чешется бок о бок, а люди врознь* (ДАЛЬ 1984/2: 226);
6. *Худая-то скотина всё в ненастье телится* (БИРЮКОВ 1960: 15);
7. арх. *Что скотина, то и черед* (где черед – очередь; Пастухи сверх платы за пастьбу скота пользуются готовым столом от хозяев, переходя от одного к другому по чередам. Отсюда пословица – Подвысоцкий 1885: 187);
8. *Не трогай сердитую скотину, чтоб не учинить злую причину* (СНЕГИРЕВ 1848: 292);
9. *Проданную скотину веди со двора в задние ворота (веди задом со двора)* (ДАЛЬ 1957: 943);
10. *Сытую скотину на мясо бьют* (РАЗУМОВ 1957: 177, СОКОЛОВА 2009: 101);
11. *Дворовой скотины – таракан да жуколица, медной посуды – крест да пуговица* (КНЯЗЕВ 1930: 15); *Рогатой скотины – вилы да грабли, хорошей одежды – мешок да рядно* (ДАЛЬ 1984/1: 64, ДАЛЬ 4: 99, АНИКИН 1988: 272); *Рогатой скотины – ухват да мутовка, дворовой птицы – сыч да ворона* (ДАЛЬ 1984/1: 64, ДАЛЬ 1: 423, ИЛЛЮСТРОВ 1915: 363, КНЯЗЕВ 1930: 15, АНИКИН 1988: 272); *Скотины – таракан да жуколица, посуды – крест да пуговица, одёжи – мешок да рядно* (ДАЛЬ 1984/1: 63).

На первый взгляд, к венгерскому «скотному» варианту пословицы о дареном коне можно потенциально отнести севернорусские (печор., урал.) пословицы *Дареная скотина в доме не жовотина* ‘То, что приобретено не на свои средства, не приносит владельцу пользы’ (СТАВШИНА 1: 195); *Обещанная скотина в доме не животиная* (БИРЮКОВ 1960: 15). Однако, при ближайшем рассмотрении оказывается, что и семантика, и структура этой русской пословицы весьма далеки от пословиц о дареном коне. Они входят в иную, собственно русскую паремиологическую модель: *Обреченная скотина не животиная* (ДАЛЬ 1984/1: 52, ДАЛЬ 1: 540, РАЗУМОВ 1957: 107, 127); вят. *Отсулённая скотина не живет животиная* (ВАСНЕЦОВ 1907: 188); *Отсулённая скотина не животиная* (ДАЛЬ 2: 759, СРНГ 24: 329); *Посулённая (Сулёная) скотина – не животиная* (ДАЛЬ 1984/2: 131, ДАЛЬ 3: 349, ПОДОБИН–ЗИМИНА

1956: 72, Аникин 1988: 263) и т. п., имеющую общее значение «Обещанное кому-л. в подарок себе не впрок» (где *отсулённый* – такой, которого обещали отдать, определить куда-л., см. СРНГ 24: 329).

Еще более удалены от «классического» варианта пословицы о дареном коне такие ее лексические варианты, где наряду с соматизмом «зубы» появляются компоненты «Рот», «Глаза», «Сердце», «Рога», «Шерсть» и даже «Недоуздок» (уздечка без удила): *Ajándék lónak /csikónak ne nézd a fogát /kötőfékjét /szemét /szívét /száját* [У подаренного коня /жеребенка не смотри зубы / недоуздок / глаза / сердце / рот] (PACZOLAY 1997a: 55); *Ajándék marhának nem kell a fogát /szarvát /szőrét nézni* [У подаренной скотины не надо смотреть зубы / рога / шерсть] (PACZOLAY 1997a: 55–56).

Показательно, что в русских паремиологических собраниях вариантный «разброс» гораздо меньший, чем в венгерском:

1. *Дареному (Даровому) коню в зубы не глядят* (Лексикон 1731: 221, GEYR 1981: 107, СРЯ XVIII 6: 34, 8: 232);
2. *Дареному коню в зубы не смотрят* (РАЗУМОВ 1957: 169, ЖУКОВ 1966: 117, СПИРИН 1985: 65, 133, АНИКИН 1988: 73, ПЕРМЯКОВ 1988: 155, *Морд.* СРГМ 5: 147; *Кубан.* ППЗК 2000: 48; *Пск.* СПП 2001: 132, СОКОЛОВА 2009: 160, *Твер.* ТПП 1993: 55);
3. *Даровому (Доровому) коню в зубы не смотрят* (СИМОНИ 1899: 96, ППЗ 1961: 26, 51, КУРГАНОВ 1793: 126, СРЯ XVIII 6: 35, СНЕГИРЕВ 1848: 84, ДАЛЬ 1984/2: 74, 114, 165, ДАЛЬ 2: 155, МИХЕЛЬСОН 1: 225, ИЛЛЮСТРОВ 1915: 225, СОБОЛЕВ 1961: 46, 91, ЖУКОВ 1966: 117, ТАНЧУК 1986: 45);
4. *Доброму коню в зубы не смотрят* (ДАЛЬ 1984/1: 166, ДАЛЬ 1984/2: 165).

Как видим, основная образная ось этой пословицы (компоненты «Конь» и «Зубы») остаются неизменными, варьируются только глаголы-синонимы *смотреть* и *видеть* прилагательные *дареный*, *даровой* и *добрый*.

Более-менее оригинален эксплицитный вариант, зафиксированный еще в XVIII веке: *Даровому коню, скать, не смотрят на зубы, и шапочка в дар лучше купленной шубы* (БОГДАНОВИЧ 1785: 42). Недавно в печорских говорах зафиксирована и шутливая поговорка *Придумали старому коню зубы вставлять* ‘Старому человеку необязательно вставлять зубы’, ‘Не следует поручать человеку работу, к которой он не способен’ (СТАВШИНА 2: 214). Она сохраняет нетронутой образность древней пословицы, хотя семантически уже достаточно сильно отделилась от нее.

Показательно, что славянские пословицы (в их наиболее частотном, кодифицированном виде) сохраняют ту же бóльшую – по сравнению с венгерскими паремиями – инвариативность структуры и образности пословицы о дареном коне (КОТОВА 2000: 74):

белорус. *Даронаму каню ў зубы не глядзяць.*

болг. ~ *На харизан кон зъбите не се гледат (броят); ср. На харизано магаре петалата се не гледат.*

пол. *Darowanemu koniowi nie patrzy się w zęby.*
 серб. *Дарованоме се коњу зуби не гледају.*
 словац. ~ *Darovanej kobyle na zuby nehľadia.*
 укр. *Дарованому коневі в зуби не дивляться.*
 чеш. *Darovanému koni na zuby se nedívej.*

Более того, даже на диалектном и хронологически углубленном славянском пространстве такая инвариантность не нарушается. Вот данные фундаментальных собраний украинской, белорусской, польской и чешской паремологии, этот факт подтверждающих:

Украинские пословицы:

Дарованому коневі не заглядають в зуби (в зуби не заглядають);
Дарованому коневі в зуби не дивляться;
В чужому вибирати, а дарованому коневі в зуби позирати;
Дарованому коневі в зуби не заглядають, тільки його радо приймають;
Дарованому коневі спокій дай і в зуби йому не заглядай;
Даремному коневі не гляди в зуби;
Дареному коню в зуби не дивляться (ПП 1: 160, ПП 3: 79).

Белорусские пословицы:

Дараванаму каню ў зубы не глядзяць;
У даронага каня зубоў не глядзяць (ГРЫНЬЛАТ 1: 468).

Польские пословицы, фиксируемые с 1608 г.:

Darowanemu koniowi nie patrzą w zęby;
Koniowi darowanemu nie patrz w zęby (w zęby patrzeć nie trzeba);
Darowanemu koniowi nie patrzą w zęby (nie patrz w zęby; nie patrzaj w zęby; w zęby nie patrzą; nie trzeba patrzeć w zęby; nie patrzy się w zęby;
Darowanemu koniowi nie należy zaglądać w zęby;
Darowanemu koniowi nie zażera się do zębów;
Darowanemu koniowi nie trzeba w zęby zaglądać.
Darowanemu koniowi nie zaglónajóm na zymby;
Darowanemu koniowi nie zaglodo się na zęby;
Darowanuryau koniowi nie zaglónajóm na zymby;
Podarowanemu koniowi w ząbć nie zażerają (кашубск.) (NKP 2: 118).

Чешские пословицы, фиксируемые уже с XV в.:

Darovanému koni na zuby nehled';
Netáme ohledati zubuo koni, kteréhož nám darem dali;
Koni, kterýžt' jest darem dán, na zuby nehled' aniž mu jich ohleduoj;
Darovanému koňovi netreba v zuby hleděti;
Darovanému koni na zuby se nedívej;
Darovanému koni nenáleží v zuby (do huby) hleděti (FLAJŠHANS 1: 556).

При этом единственный оригинальный вариант – с заменой компонента «Конь» на «Лев» (*Darovanému lvovi do huby nekoukej*) сам составитель этого сборника характеризует как индивидуально-авторский и шуточный (*žertem*).

Как видим, славянские языки довольно компактно отражают исходную структуру и образность пословицы о дареном коне, сохраняя исходный бинном «Конь» ↔ «Зубы». Эта компактность особенно наглядно выделяется на фоне многоязычных параллелей к этой пословице, скрупулезно описанных Д. Пацолаи под эгидой семантической модели «The teeth of a horse / donkey reveal its age, i.e. its real value» (PACZOLAY 1989: 55–58). Доминантным является для большинства языков вариант с биномом «Конь» ↔ «Зубы», но в то же время нащупываются и варианты ряды, так или иначе перекликающиеся и с вариантами венгерской пословицы. Не будем, естественно, воспроизводить словарную статью этого фундаментального собрания, а обрисуем лишь языковой ареал интересующих нас вариантов.

1. Лексические варианты «Конь» → «Осел»: албанский, болгарский, греческий, мальтийский, румынский и испанский языки.

2. Соматические варианты «Зубы» → «Рот»: английский, болгарский, венгерский, вепсский, вотякский, греческий, исландский, испанский, итальянский, немецкий, португальский, ретороманский, румынский, финский, французский, фризский, шведский, шотландский, уэльский, эстонский, эсперанто, эстонский языки.

3. Соматический вариант «Глаза» зарегистрирован в испанском и в соседнем с венгерским ареалом словацким языком: *Darovanému koňovi nenačím do očí hl'adať*.

4. Соматический вариант «Волосы» (т. е. «Шерсть») зарегистрирован в сардинском диалекте и испанском языке.

5. Лексическая замена «Зубы» → «Уздечка» обнаруживается во французском языке (*à cheval donné on ne regarde pas [à] la bride*), а также в провансальском диалекте.

6. Вариантная замена «Зубы» → «Подкова», засвидетельствованная для болгарского и турецкого языков, объяснима славяно-тюркскими контактами.

7. Периферийны разного рода варианты типа англ. *Do not count the teeth of a gift horse*.

На фоне представленного материала славянские варианты ряды описываемой пословицы выглядят компактно и практически неизменяемо. Вариантность же венгерских пословиц обнаруживает гораздо более широкую амплитуду, хотя при этом сохраняет в качестве основного и «классический» вариант (кстати, представленный и восточными языками) с биномом «Конь» ↔ «Зубы». Некоторые из них можно, как кажется, признать национально специфичными, несмотря на универсальность и глобальность ареала этой пословицы. Столь же специфичны, как представляется, и некоторые варианты славянских пословиц с биномами «Лес» ↔ «Поле», «Журавль» ↔ «Синица» и «Ласточка» ↔ «Весна». Квота национальной специфичности у каждого из таких вариантов различна – как и различна их удаленность или близость

к исходной паремиологической модели. Но так же, как, по пословице, *Дьявол таится в деталях*, так и паремиологические детали таят в себе национальный колорит, затаенный в языковой канве.

Литература

- Аникин 1988 = Аникин В. П. (ред.) *Русские пословицы и поговорки*. Москва, 1988.
- Бирюков 1960 = Бирюков В. П. *Крылатые слова на Урале*. Свердловск, 1960.
- Богданович 1785 = Богданович И. *Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем*. Ч. 3. Санкт-Петербург, 1785.
- Васнецов 1907 = Васнецов Н. М. *Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора*. Вятка, 1907.
- Грыньблат = Грыньблат М. Я. *Прыказкі і прымаўкі у дзвюх кнігах*. Т. 1–2. Мінск, 1976.
- Даль = Даль В. И. *Толковый словарь живого русского языка*. Т. 1–4. Москва, 1955.
- Даль 1957 = Даль В. И. *Пословицы русского народа*. Москва, 1957.
- Даль 1984 = Даль В. И. *Пословицы русского народа*. Т. 1–2. Москва, 1984.
- Жигулев 1969 = Жигулев А. М. *Русские пословицы и поговорки*. Москва, 1969.
- Жуков 1966 = Жуков В. П. *Словарь русских пословиц и поговорок*. Москва, 1966.
- Иллюстров 1915 = Иллюстров И. И. *Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках*. Санкт-Петербург, 1915.
- Князев 1930 = Князев В. В. *Книга пословиц. Выборки из пословичной энциклопедии*. Ленинград, 1930.
- Кокаре 1978 = Кокаре Э. Я. *Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках*. Рига, 1978.
- Котова 2000 = Котова М. Ю. *Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями*. Санкт-Петербург, 2000.
- Котова 2003 = Котова М. Ю. *Очерки по славянской паремиологии*. Санкт-Петербург, 2003.
- Курганов 1777 = Курганов Н. Г. *Книга писмовник, а в ней наука российского языка с семью присовокуплениями, разных учебных и полезнотабавных вещесловий*. Санкт-Петербург, 1777.
- Курганов 1793 = Курганов Н. Г. *Писмовник. Сбор русских пословиц*. Санкт-Петербург, 1793.
- Лексикон 1731 = *Немецко-латинский и русский Лексикон купно с первыми началами русского языка*. Санкт-Петербург, 1731.
- Ломакина–Мокиенко 2018 = Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне. В кн.: Дуличенко А. Д., Номати М. (ред.) *Славянская микрофилология*. Sarrogo–Tartu, 2018. 103–128.
- Михельсон = Михельсон М. И. *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. Т. 1–2. Санкт-Петербург, 1903–1905.
- Мокиенко 1979 = Мокиенко В. М. Из истории словацкой фразеологии: еще раз о выражении *psi tridsiatok*. В кн.: *Славянская филология*. Вып. IV. Ленинград, 1979. 115–122.
- Мокиенко 1983 = Мокиенко В. М. Проблемы ареального описания восточнославянской фразеологии. В кн.: *Сравнительно-типологические исследования славянских языков и литератур*. Ленинград, 1983. 40–53.

- Мокиенко 2007 = Мокиенко В. М. Синица в руках или журавль в небе? (к проблеме оппозиции «имплицитность – эксплицитность»). В кн.: *Frazeologické štúdie V. Princípy lingvistickej analýzy vo frazeológii*. Ružomberok, 2007. 161–170.
- Мокиенко и др. 2010 = Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. *Большой словарь русских пословиц*. Около 70 000 пословиц. Москва, 2010.
- Мокиенко–Никитина 2008a = Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. *Большой словарь русских поговорок*. Более 40 000 образных выражений. Москва, 2008.
- Мокиенко–Никитина 2008b = Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. *Большой словарь русских сравнений*. Более 45 000 образных выражений. Москва, 2008.
- Мокиенко–Никитина 2017 = Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Венгерско-славянские фразеологические параллели (диахронический аспект). *Studia Slavica Hung.* 62 (2017): 247–275.
- Мокиенко–Николаева 2002 = Мокиенко В. М., Николаева Е. К. Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира. *Rossica Olomucensia* 40 (2001): 17–34.
- Ничипорчик 2016 = Ничипорчик Е. В. *Отражение ценностных ориентаций в паремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социолингвистический аспекты*. Дисс. ... докт. фил. наук. Минск, 2016.
- Пачаи 1995 = Пачаи Имре: *Ареальные аспекты парных слов в русском языке*. Nyíregyháza, 1995.
- Пачаи 2002 = Пачаи Имре: *Специфика русской культурной зоны в русской народной речи и фольклоре*. Nyíregyháza, 2002.
- Пермяков 1988 = Пермяков Г. Л. *Основы структурной паремиологии*. Москва, 1988.
- Плав'юк 1996 = *Приповідки або українсько-народня філософія*. Зібрав Володимир С. Плав'юк. Т. 2. Едмонтон, 1996.
- Подвысоцкий 1885 = Подвысоцкий А. О. *Словарь областного архангельского наречия*. Санкт-Петербург, 1885.
- Подобин–Зими́на 1956 = Подобин В. М., Зими́на И. П. *Русские пословицы и поговорки*. Ленинград, 1956.
- ПП = *Прислів'я та приказки*. Упорядник М. М. Пазяк. Т. 1–4. Київ, 1989–2001.
- ППЗ 1961 = *Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVII–XX веков*. Москва–Ленинград, 1961. 47–64.
- ППЗК 2000 = Мартыненко Л. Б., Уварова И. В. (сост.) *Пословицы, поговорки и загадки Кубани*. Краснодар, 2002.
- Разумов 1957 = Разумов А. А. *Мудрое слово: русские пословицы и поговорки*. Москва, 1957.
- Рыбникова 1961 = Рыбникова М. А. *Русские пословицы и поговорки*. Москва, 1961.
- Савенкова 2002 = Савенкова Л. Б. *Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты*. Ростов-на-Дону, 2002.
- Селиверстова 2017 = Селиверстова Е. И. *Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость*. Москва, 2017.
- Симони 1899 = Симони П. *Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий*. Санкт-Петербург, 1899.
- Снегирев 1848 = Снегирев И. М. *Русские народные пословицы и притчи, изданные И. М. Снегиревым с предисловием и дополнениями*. Москва, 1848.
- Соболев 1961 = Соболев А. И. *Народные пословицы и поговорки*. Москва, 1961.
- Соколова 2009 = Соколова М. И. *Народная мудрость. Пословицы и поговорки*. Новосибирск, 2009.

- СПИРИН 1985 = СПИРИН А. С. *Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения*. Ростов-на-Дону, 1985.
- СПП 2001 = МОКИЕНКО В. М., НИКИТИНА Т. Г. (сост.) *Словарь псковских пословиц и поговорок*. 13 000 единиц. Санкт-Петербург, 2001.
- СРГМ = *Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия*. Ч. 1. Санкт-Петербург, 2013.
- СРНГ = *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–51. Ленинград / Санкт-Петербург, 1965–2019.
- СРЯ XVIII = *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1–22. Ленинград / Санкт-Петербург, 1984–2019.
- СТАВШИНА 2008 = СТАВШИНА Н. А. (сост.) *Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры*. Т. 1–2. Санкт-Петербург, 2008.
- ТАНЧУК 1986 = ТАНЧУК В. *Сборник пословиц русского языка*. Нью-Йорк, 1986.
- ТКАЧЕНКО 1979 = ТКАЧЕНКО О. Б. *Сопоставительно-историческая фразеология славянских языков и финно-угорских языков*. Киев, 1979.
- ТОЛСТОЙ 1973 = ТОЛСТОЙ Н. И. О реконструкции праславянской фразеологии. В кн.: *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*. Москва, 1973. 272–293.
- ТПП 1993 = БРАДИС Л. В., ШОМИНА В. Г. (сост.) *Тверские пословицы и поговорки*. Тверь, 1993.
- ФРАНКО 1909 = *Галицько-руські народні приповідки*. Зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко. Т. 3. Вип. 1. Львів, 1909.
- BÁNHIDI AGNESONI 2017 = BÁNHIDI AGNESONI Ágnes: *Olasz közmondások. 1333 olasz közmondás, szólás és szállóige fordítása és magyar megfelelője*. Budapest: Tinta, 2017.
- ČELAKOVSKÝ 1949 = ČELAKOVSKÝ Ladislav: *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prostonárodních českých pořekadel*. Praha, 1949.
- ĎURČO 2005 = ĎURČO Peter: *Sprichwörter in der Gegenwartssprache*. Trnava, 2005.
- FLAJŠHANS = FLAJŠHANS Václav: *Česká přísloví. Sbirka přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Cechách, na Moravě a v Slezsku*. D. 1–2. Olomouc, 2013.
- GERHARDT 1975 = GERHARDT Dietrich: „Vogelmilch“ – Metapher oder Motiv? *Semantische Hefte* II. Hamburg, 1975. 1–79.
- GEYR 1981 = GEYR Heinz: *Sprichwörter und sprichwortnahe Bildungen im dreisprachigen Petersburger Lexikon von 1731*. Frankfurt am Main–Bern, 1981.
- GRIGAS 1987 = GRIGAS Kazys: *Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų atitikmenimis*. Vilnius, 1987.
- JANDA 1997 = JANDA Michael: *Über „Stock und Stein“: die indogermanischen Variationen eines universalen Phraseologismus*. Dettelbach, 1997.
- KOKARE 1980 = KOKARE Elza: *Latviešu un lietuviešu sakāmvārdi paralēles*. Rīga, 1980.
- LITOVKINA–MIEDER 2005 = LITOVKINA Anna, MIEDER Wolfgang: *Old Proverbs Cannot Die. They Just Diversify. A Collection of Anti-Proverbs*. Burlington–Veszprém, 2005.
- MARGALITS 1897 = MARGALITS Ede (szerk.): *Magyar közmondások és közmondásszerű szólások*. Budapest, 1897.
- MIEDER 2018 = MIEDER Wolfgang: *In proverbii veritas. Sprachkulturelle, literarische und politische Studien*. Münster–New York, 2018.
- МОКИЕНКО–ВАЛТЕР 2018 = МОКИЕНКО В. М., ВАЛТЕР H. *Urslawische Phraseologie: Mythos oder Legende? In: Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress, Belgrad 2018*. (Die Welt der Slaven. Sammelbände 63.) Wiesbaden, 2018. 331–340.

- NAGY 2010 = NAGY György: *Angol–magyar kifejezések. 3000 gyakori szókapcsolat, szólás és közmondás*. Budapest: Tinta, 2010.
- NAGY 2017 = NAGY György: *Magyar–angol közmondásszótár. 1111 magyar közmondás és szólás fordítása és angol megfelelője*. Budapest: Tinta, 2017.
- NKP = KRZYŻANOWSKI Julian (red.): *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*. T. 1–4. Warszawa, 1969–1978.
- PACZOLAY 1985 = PACZOLAY Gyula: *Magyar–észt közmondások és szólások német, angol és latin megfelelőikkel / Dictionary of Hungarian–Estonian Proverbs with Their German, English and Latin Equivalents*. Veszprém–Budapest, 1985.
- PACZOLAY 1989 = PACZOLAY Gyula: *Magyar közmondások és szólások*. Veszprém, 1989.
- PACZOLAY 1994 = PACZOLAY Gyula: *European, Far-Eastern and some Asian Proverbs. A comparison of European, Chinese, Korean, Japanese, Vietnamese and Other Asian Proverbs*. Veszprém, 1994.
- PACZOLAY 1997a = PACZOLAY Gyula: *European Proverbs in 55 languages with equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese*. Veszprém, 1997.
- PACZOLAY 1997b = PACZOLAY Gyula: A magyar közmondások és szólások nemzetközi rokonsága. *Acta Hungarica* 4–5 (1993–1994). Ungvár, 1997. 36–51.
- PACZOLAY 2000 = PACZOLAY Gyula: Az első feljegyzett magyar és lengyel közmondás (Addig / Akkor hánts d a hársat / hársfát, amíg / amikor hámlík – Kiedy się ūyka dra, wtenczas / wtedy je drzyj). *Ethnica* 2000/1: 1–4.
- SCHLANDT 1913 = SCHLANDT Henrik (szerk.): *Magyar–német közmondások lexikona*. Brassó, 1913.
- SIRISAKA 1891 = SIRISAKA Andor (szerk.): *Magyar közmondások könyve. Válogatott magyar közmondások, példabeszédek, szólásmódok betűrendes gyűjteménye*. Pécs, 1891.
- VASVÁRI 1993 = VASVÁRI Lajos: *Angol–magyar közmondások. Mondások az egész világból*. 1–2. kötet. Budapest, 1993.

MOKIENKO VALERY MIKHAILOVICH
St. Petersburg Federal University (Saint-Petersburg)

NIKITINA TATIANA GENNADIEVNA
Pskov State University (Pskov)

Russian–Hungarian Paremiological Parallels (in Search of National Specifics)

Proverbs and sayings, which have always been considered the favourite genre of folklore and the representatives of the national mentality proper, have recently attracted particular attention of linguists. These are attempts to objectively establish the so-called “paremiological minimum” of different languages, the desire to measure the cognitive potential of the paremias, and a broad comparative study of the proverbs and sayings of related and unrelated languages as well as a characteristic of the pragmatic capabilities of the latter. The present paper offers a comparative typological analysis of proverbs and sayings in the Russian and Hungarian languages.

Despite their different genetic origins, it is in paremiology that there is a fairly large number of parallels of different types. The purpose of the paper is to identify such parallels and their classification by origin. The sources of such parallels are different: above all, long-term interaction with the paremiological systems of German and other European languages,

including Slavic. Slavic paremiology, on the one hand, was a “donor” of borrowing in the form of tracing, on the other hand, it itself absorbed many Finno-Ugric paremias.

That is why Hungarian paremiology and paremiography are of particular importance for comparative studies. And not only because the Hungarian language has historically absorbed a pan-European (including Slavic) paremiological heritage but also because Hungarian paremiography has long been one of the richest treasures of Hungarian and European small folklore. These collections of Hungarian proverbs and sayings against a broad interlanguage background are one of the most significant paremiological traditions. The rich paremiological collections accumulated by Hungarian researchers provide an opportunity for a detailed comparison of Slavic and Hungarian proverbs and sayings against a common European background and at the same time to trace the traces of direct Slavic–Hungarian contacts.

Of particular importance in such a comparative study is the dialectal material, both in Hungarian and Slavic. When comparing the paremias of Russian and Hungarian languages, linguistic details are especially important, allowing to demonstrate the adaptation of the common European heritage to the Slavic and Finno-Ugric languages and to determine the proportion of similarities and differences between the respective paremias. It is not only genetic inertia but also the field of variation of borrowed proverbs and sayings that forms their national specificity.

A comparative study shows that the Slavic variant proverb series look more compact and almost unchangeable. The variation of the Hungarian proverbs reveals a much wider amplitude, although it also retains the “classical” version as the main one. Some of them can be considered nationally specific despite the universality and globality of the range of some proverbs. The quota of national specificity for each of the options is different but it is the paremiological details that contain the national colour reflected in the language.

Keywords: comparative paremiology, paremiography, proverbs, sayings, variants of paremias, proverbial borrowings and calques, Russians and Hungarian paremiological parallels